

Теория преступления

Нигилисты и нигилистки давно уже изображаются в наших романах и повестях.

Читатели привыкли видеть в нигилистах, во-первых, людей скудоумных и скудо-сердечных, людей, лишенных ясной силы ума и живой сердечной теплоты. Люди эти строят собственным умом теории, совершенно оторванные от жизни, доходящие до величайших нелепостей. На основании этих теорий они извращают свою и чужую жизнь, и живут в этом извращении, не понимая и не чувствуя всего безобразия такой жизни. Поэтому нигилисты являются существами смешными и гадкими, пошлыми и отталкивающими. Словом, они изображаются так, что по сути дела могут возбудить не симпатию, а только насмешку и негодование. Взять, например, Базарова («Отцы и дети» Тургенева), первого нигилиста, явившегося в нашей литературе. Этот высокомерный, самолюбивый человек скорее отталкивает, чем привлекает. Да он и не просит нашего сочувствия, он самодоволен.

В своем романе Достоевский поставил задачу более трудную, чем осмеяние безобразий пустых и малокровных натур. Его Раскольников, хотя страдает юношеским малодушием и эгоизмом, но представляет собой человека с задатками твердого ума и теплого сердца. Это не фразер без крови и без нервов, это — настоящий человек. Этот юный человек строит теорию, которая противоречит самой жизни. В угоду своей теории он ломает свою жизнь и совершает страшное дело — преступление.

Цель автора была изобразить страдания, которые терпит живой человек, дошедший до такого разрыва с жизнью. Совершенно ясно, что автор изображает своего героя с полным состраданием к нему. Это не смех над молодым поколением, не укоры и обвинения, это — плач над ним. Несчастный убийца — теоретик, этот честный убийца, если можно только сопоставить эти два слова, выходит тысячекратно несчастнее простых убийц. Ему было бы несравненно легче, если бы он совершил убийство из гнева, из ревности, из корысти, из каких-либо житейских побуждений, но не из теории.

«Знаешь, Соня... знаешь, что я тебе скажу, — говорит сам Раскольников, — если б только я зарезал из того, что голоден был... то я бы теперь... *счастлив* был!»

С невыразимым мучением он чувствует, что насилие, совершенное им над своей нравственной природой, составляет больший грех, чем самый акт убийства. Оно-то и есть настоящее преступление.

«Разве я старушонку убил? — говорит он Соне. — Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!.. А старушонку эту черт убил, а не я...»

В этом заключается смысл романа, а приговор над Раскольниковым, произносимый автором, вложен им в уста Сони.

«— Что вы, что вы это над собой сделали! — отчаянно проговорила она и, вскочив с колен, бросилась ему на шею, обняла его и крепко-крепко сжала его руками...»

— Странная какая ты, Соня — обнимаешь и целуешь, когда я тебе сказал *про это*. Себя ты не помнишь.

— Нет, нет тебя несчастнее никого теперь в целом свете! — воскликнула она, как в иступлении, не слышав его замечания, и вдруг заплакала навзрыд, как в истерике».

Итак, Раскольников — нигилист, несчастный нигилист, глубоко человечески страдающий. Однако автор изобразил нигилизм не как жалкое и дикое явление, а в трагическом виде, как искажение души, сопровождаемое жестоким страданием. По своему всегдашнему обычаю, он представил нам человека в самом убийце, как умел отыскать людей и в блудницах, и в пьяницах, и в других жалких лицах, которыми обставил своего героя.

Вся сущность романа заключается в том, что Раскольников, хотя и считает себя правым, но совершает свое дело не хладнокровно, и не только не остается спокойным, а подвергается жестоким мукам. Преступление Раскольникова — явление необычайно редкое, случай в высшей степени характеристический, но исключительный, совершенно выходящий из ряда вон. Так говорит о нем сам преступник. Он нигде не выдает свою теорию за что-нибудь общераспространенное; он постоянно называет ее своей теорией, своей идеей; в минуты, когда он находится под властью этой идеи, он даже с презрением отзывается о других нигилистах. «О отрицатели и мудрецы в пяточок серебра, — восклицает он, — зачем вы останавливаетесь на полдороге!»

Соппротивление жизни, ее отпор против власти теорий и фантазий, потрясающим образом представлен Достоевским в романе. Показать, как в душе человека борется жизнь и теория, показать эту схватку на том случае, где она доходит до высшей степени силы, и показать, что победа осталась за жизнью, — такова была задача романа.

Автор хотел изобразить широкую русскую натуру, то есть натуру живучую, мало склонную идти по пробитым торным колеям жизни, способную жить и чувствовать на разные лады. Такую натуру, живую и вместе с тем неопределенную, автор окружил средой, в которой все помутилось, в которой особенно священных преданий давно уже не существует. Сам Свидригайлов, высказывающий это повальное обвинение против образованного общества, представляет нечто вроде старого поколения тех же натур и того же общества, в параллель Раскольникову, человеку нового поколения. Несмотря на фантастичность Свидригайлова, в нем все-таки можно рассмотреть очень знакомые черты далеко ушедшего встарь состояния нашего образованного и зажиточного сословия. Разврат, жестокость с крепостными, доходящая до смертоубийств, тайные злодеяния и отсутствие всего святого в душе — в эту сторону тоже бросались широкие русские натуры, чтобы на что-нибудь тратить свои силы. Раскольников — тоже человек, которому очень хочется жить, которому поскорее нужен выход, нужно дело. Такие люди не могут оставаться в бездействии; жажда жизни, какой бы то ни было, но только сейчас, поскорее, доводит их до нелепостей, до ломки своей души и даже до полной гибели.

Некоторые критики считали, что будто бы Раскольников совершает свое убийство из филантропических целей, что он оправдывает его благотворительными намерениями. Но дело вовсе не так просто. Главный корень, из которого выросло чудовищное намерение Раскольникова, заключается в некоторой теории, которую он неоднократно и последовательно развивает; самое же убийство произошло из неперемennого желания приложить к делу свою теорию. Вот как характеризует поступок Раскольникова следователь Порфирий Петрович:

«Тут дело фантастическое, мрачное, дело современное, нашего времени случай-с, когда помутилось сердце человеческое; когда цитруется фраза, что кровь “освежает”; когда вся жизнь проповедуется в комфорте. Тут книжные мечты-с, тут теоретически раздраженное сердце; тут видна решимость на первый шаг, но решимость особого рода, — решился, да как с горы упал или с колокольни слетел, да и на преступление-то словно не своими ногами пришел. Дверь за собой забыл притворить, а убил, двух убил, по теории. Убил, да и денег взять не сумел, а что успел захватить, то под камень снес... Убил, да за честного человека себя почитает, людей презирает, бледным ангелом ходит...»

В чем же заключается та теория, которая так увлекла и замучила юношу?

Она не поражает чем-либо странным; это не логика сумасшедшего; напротив, по замечанию Разумихина, «это не ново, и похоже на всё, что мы тысячу раз читали и слышали».

Эту теорию можно свести к трем основным пунктам. Первый состоит в очень гордом, презрительном взгляде на людей, основанном на сознании своего умственного превосходства. Раскольников был очень горд в этом отношении:

«Иным товарищам его казалось, что он смотрит на них на всех, как на детей, свысока, как будто он всех их опередил и развитием, и знанием, и убеждениями, и что на их убеждения и интересы он смотрит как на что-то низшее».

Из этой гордости рождается презрительный, высокомерный взгляд на людей, как бы отрицание их прав на человеческое достоинство. Старуха процентщица, для Раскольникова, ест вошь, а не человек. Уже задолго после преступления, уже тогда, когда он решил донести на себя и вышел с этой целью на улицу, он еще раз испытывает порыв гордости и так выражает свое понимание людей:

«Вот они, – думает он, – снуют все по улице взад и вперед, и ведь всякий-то из них подлец и разбойник уже по натуре своей; хуже того — идиот».

Второй пункт теории заключается в известном взгляде на ход человеческих дел, на историю; взгляд этот прямо вытекает из презрительного взгляда на людей вообще.

«Видишь, я тогда всё себя спрашивал: зачем я так глуп, что если другие глупы и коли я знаю уж наверно, что они глупы, то сам не хочу быть умнее? Потом я узнал, Соня, что если ждать, пока все станут умными, то слишком уж долго будет... Потом я еще узнал, что никогда этого и не будет, что не переменятся люди и не переделают их никому, и труда не стоит тратить! Да, это так! Это их закон!.. И я теперь знаю, Соня, что кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властелин. Кто много посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее! Так доселе велось, и так всегда будет! Только слепой не разглядит!»

«Я догадался тогда, Соня, – продолжал он восторженно, – что власть дается только тому, кто посмеет наклониться и взять ее. Тут одно только, одно: стоит только посметь! У меня тогда одна мысль выдумалась, в первый раз в жизни, которую никто и никогда еще до меня не выдумывал! Никто! Мне вдруг ясно, как солнце, представилось, что как же это ни единый до сих пор не посмел и не смеет, проходя мимо всей этой нелепости, взять просто-запросто всё за хвост и стряхнуть к черту! Я... я захотел *осмелиться*...»

Согласно этим взглядам Раскольников делает еще один шаг и доходит до третьего и последнего пункта своей теории. Этот шаг и составляет ту мысль, которая, по его словам, выдумалась у него одного, и которой никто никогда еще не выдумывал. Приведем место из романа, где всего ярче высказывается эта мысль. Раскольников смеется про себя над социалистами:

«За что давеча дурачок Разумихин социалистов бранил? Трудолюбивый народ и торговый: “общим счастьем” занимаются... Нет, мне жизнь однажды дается и никогда ее больше не будет; я не хочу дожидаться “всеобщего счастья”. Я и сам хочу жить, а то лучше уж и не и жить. Что ж? Я только не захотел проходить мимо голодной матери, зажимая в кармане свой рубль, в ожидании “всеобщего счастья”. “Несу, дескать, кирпичик на всеобщее счастье, и оттого ощущаю спокойствие сердца”. Ха-ха! Зачем же вы меня-то пропустили? Я ведь всего однажды живу, я тоже хочу...»

И вот Раскольников решил нарушить обыкновенный ход дел и позволить себе всякие средства не для того, чтобы изменить ход всемирной истории, а для изменения своей личной судьбы и судьбы своих близких. Чего он хотел в этом отношении, он подробно объясняет Соне.

«...У матери моей почти ничего нет. Сестра получила воспитание, случайно, и осуждена таскаться в гувернантках. Все их надежды были на одного меня. Я учился, но содержать себя в университете не мог и на время принужден был выйти. Если бы даже и так тянулось, то лет через десять, через двенадцать (если б обернулись хорошо обстоятельства) я все-таки мог надеяться стать каким-нибудь учителем или чиновником, с тысячько рублями жалованья... (Он говорил как будто заученное.) А к тому времени мать высохла бы от забот и от горя, и мне все-таки не удалось бы успокоить ее, а сестра... ну, с сестрой могло бы еще и хуже случиться!.. Да и что за охота всю жизнь мимо всего проходить и от всего отвертываться, про мать забыть,

а сестрину обиду, например, почтительно перенести? Для чего? Для того ль, чтоб, их схоронив, новых нажить — жену да детей, и тоже потом без гроша и без куска оставить? Ну... ну, вот я и решил, завладев старухиными деньгами, употребить их на мои первые годы, не мучая мать, на обеспечение себя в университете, на первые шаги после университета, — и сделать все это широко, радикально, так чтоб уж совершенно всю новую карьеру устроить и на новую, независимую дорогу стать...»

Таковы были цели Раскольникова. Но эти цели не являлись прямым побуждением к преступлению; неперемное убийство логически никак из них не вытекает. Напротив, оно строго вытекает из его эгоистической теории. Вот почему тотчас после приведенной речи сам Раскольников начинает говорить, что «это не то», что он «врет, давно уже врет» и главное, что его двигало и что распяляло его воображение, было требование приложить свою теорию, осуществить на деле то, что позволил себе в мыслях.

В другой раз он ясно высказывает это главное побуждение к преступлению.

«Старушонка вздор, — думал он горячо и порывисто, — старуха, пожалуй что, и ошибка, не в ней дело! Старуха была только болезнь... Я переступить поскорее хотел... я не человека убил, я принцип убил!»

Вот суть преступления. Это убийство принципа. Не три тысячи рублей тянули Раскольникова; если бы эти деньги могли достаться ему через воровство, плутовство в карты или другое мелочное мошенничество, он едва ли бы на все это решился. Его тянуло убить принцип, он покушался на самую жизнь своей души; но, убивши, он по страшным мукам своим понял, какое преступление совершил.

Глубочайшее извращение нравственного понимания и затем возвращение души к истинно человеческим чувствам и понятиям — такова суть преступления Раскольникова.

По Н. Страхову

Человеческая натура далеко не состоит из одного только гладкого, совместимого, пропорционального. Шекспиры и Диккенсы ознакомили нас с таинственными, своеобразными силами, которые часто живут в темных глубинах человеческого духа, как живут в малоизвестных глубинах моря его разнообразные чудища.

Также и Раскольников — преступник, хотя и не без добрых движений души.

Но его господствующее чувство — это ненависть к миру, к людям. Он ненавидит их за свою собственную слабость, за свою бедность, за свое преступление, за свою неудачу. Преступление не ужаснуло, не растрогало его сердца. Преступление только озлобило и взъерошило его. Никогда он не был так твердо уверен в своем праве на преступление, в высоком значении преступления, как после его совершения, и, главное, после своей неудачи.

Вот что рассказывает он Соне чуть ли не о святости своего «подвига». Он считает себя мстителем за страдание человечества; поклонившись до земли в ноги Соне, в припадке дикого воодушевления, он говорит ей:

«Я не тебе поклонился, я всему страданию человеческому поклонился».

А между тем нет человека, не исключая его сестры, его матери, его друга, которых бы он действительно любил, ради которых он понес бы хоть какое-нибудь лишение, не только страдание.

Даже растрогавшую его бедную Соню он безжалостно дразнит и смущает: в день смерти ее отца он утешает Соню предсказанием, что и ее скоро свезут в больницу, что ее маленькая сестра Поля тоже делается проституткой, как и она.

«— Нет! Нет! Не может быть, нет! — как отчаянная, громко вскрикнула Соня, как будто ее вдруг ножом ранили. — Бог, Бог такого ужаса не допустит!..»

— Других допускает же.
— Нет, нет! Ее Бог защитит, Бог! – повторяла она, не помня себя.
— Да, может, и Бога-то совсем нет, – с каким-то даже злорадством ответил Раскольников, засмеялся и посмотрел на нее».

Раскольников искренно считает Соню великой грешницей, и говорит ей в глаза:

«...Как этакой позор и такая низость в тебе рядом с другими противоположными и святыми чувствами совмещаются? Ведь справедливее, тысячу раз справедливее и разумнее было бы прямо головой в воду и разом покончить!»

Себе он, однако, не задавал такого вопроса и не прибегал к такому исходу, хотя, казалось бы, и был к тому некоторый повод. Напротив, он очень негодует на Соню, когда та советует ему повиниться и покаяться в убийстве:

«В чем я виноват перед ними? Зачем пойду? Что им скажу? Всё это один только призрак... Они сами миллионами людей изводят, да еще за добродетель почитают. Плуты и подлецы они, Соня!.. не пойду».

В другом месте он так смотрит на совершенное им дело.

«Преступление? Какое преступление? – вскричал он вдруг, в каком-то внезапном бешенстве, – то, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушонку процентщицу, никому не нужную, которую убить сорок грехов простят, которая из бедных сок высасывала, и это-то преступление? Не думаю я о нем и смывать его не думаю. И что мне тычут со всех сторон: “преступление, преступление!” Только теперь вижу ясно всю нелепость моего малодушия, теперь, как уж решился идти на этот ненужный стыд! Просто от низости и бездарности моей решаюсь...»

«Если бы мне удалось, то меня бы увенчали, а теперь в капкан!» – горячо уверяет он свою сестру. Ведь все равно ж кровь «льется, и всегда лилась на свете как водопад», все равно ж ее «льют как шампанское, и за которую венчают в Капитолии и называют потом благодетелем человечества».

А между тем трудно отыскать даже какой-нибудь намек на благодеяние в замысле Раскольникова. В минуту искренности он сам признается Соне:

«Не для того, чтобы матери помочь я убил, — вздор! Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества, — вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного...»

«...Мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу? Осмелюсь ли я нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или *право* имею...»

Это признание всецело разоблачает хаотическую психику Раскольникова. В сущности, в нем не жило даже страсти, даже ненависти, не только любви. В нем был только душевный холод и воспаленность мечты... И над всем этим — необъятное себялюбие. Он не имел никаких ясных целей, не способен был стать и бороться за кого-нибудь, за что-нибудь. Он только мечтал о том, чтобы сознать самого себя в ряду властителей, в ряду право имеющих, чтобы испробовать на опыте, Наполеон ли он. А там «стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину, и из всех живые соки высасывал, мне в ту минуту всё равно должно было быть!..» – откровенно объяснял он.

Это то циничское равнодушие, с которым Свидригайлов проделывал безразлично, словно насмехаясь над нравственными понятиями людей, то высокий подвиг самоотвержения, то чудовищно грязный грех.

И Раскольникову, и Свидригайлову мир сам по себе не нужен, противен, достоин одного презрения... Сами они, их самолюбие, их сладострастие — вот единственные кумиры, которым они поклоняются, право которых признают они в этом бессмысленном

хаосе человеческой жизни. Но и они нужны им только до тех пор, пока могут выполнять свою службу, пока для них есть какое-нибудь удовлетворение.

Нет этого, пресытилось чрево, затосковала капризная мечта — и разбиваются без жалости последние кумиры!

По Е. Маркову

Мысль об убийстве как о средстве выхода из тяжелого положения, овладевающая Раскольниковым с силой навязчивого представления, возникает в его голове на почве, подготовленной страданиями бедности и душевного одиночества

Первый толчок к развитию этой мысли дает ему случайно подслушанный им в трактире разговор двух посетителей. Речь шла об одной старухе, занимавшейся ростовщицеством, женщине алчной и злой, пользовавшейся беспомощным положением бедняков, чтобы наживаться за их счет. Один из собеседников, молодой студент, чрезвычайно возмущается этим фактом, находит его неестественным и ненормальным:

«...С одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет... С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата... — и всё это на ее деньги. Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно крошечное преступленье тысячами добрых дел? За одну жизнь — тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна».

Когда же его товарищ обратился к говорившему с вопросом, решился ли бы он сам, на основании своих рассуждений, совершить это убийство, тот отвечает: «Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут и дело...» Но слова этого неизвестного студента, случайно подслушанные в трактире, не прошли бесследно: для Раскольникова они стали исходной точкой для размышлений, для развития в нем тех идей, которые в конце концов привели его к преступлению.

Преступление Раскольникова, по выражению следователя Порфирия Петровича, есть плод «теоретически раздраженного сердца». Оно совершено им не в порыве отчаяния, не в момент исступления, а явилось следствием тщательно обдуманного решения. Во этом решении следует различать два побудительных мотива: первый из них, и притом наиболее простой, вытекал из сознания необходимости так или иначе выйти из того угнетенного состояния, в котором он находился: он хотел воспользоваться деньгами ростовщицы, самое существование которой он признавал бесполезным и даже вредным, для того чтобы получить возможность окончить университет, поддержать свою мать и сестру, находившихся в бедственном положении, а затем посвятить себя какой-либо деятельности, направленной на общую пользу. Но был еще другой, гораздо более сложный мотив, обусловивший его решимость и нахлдившийся в непосредственной связи с его чрезвычайным самолюбием, высоким мнением о самом себе (на эту черту личности Раскольникова указывает и Разумихин в характеристике своего друга). Притом самолюбие Раскольникова было до болезненности обострено вследствие бедности и всяческих неудач. Его угнетало сознание, что он, при всех своих способностях, которые чувствовал в себе, оказывается не в силах устроить сколько-нибудь сносно свое существование и оказать поддержку горячо любимой матери. Это сознание поселяет в нем мучительное сомнение в самом себе, и вот, чтобы проверить себя, он решается на страшное испытание, на убийство.

Это решение явилось результатом особенных взглядов Раскольникова на сущность преступления, из которых составила в его голове целая стройная теория, основания которой он изложил в статье, написанной им незадолго до убийства. Теория эта основывается на признании относительности этических понятий — добра и зла. Значение их меняется в зависимости от того, к какой из двух категорий людей, на которые, по мысли Раскольникова, разделяется все человечество, прилагаются эти понятия. Для одних людей, для громадного большинства человечества, эти понятия должны иметь абсолютное значение: они обязаны признавать их и руководствоваться ими в своем поведении. Но для незначительного меньшинства, для избранников и гениев, эти обычные понятия о добре и зле, о дозволенном и запретном не могут иметь обязательного значения, и они вправе не считаться с ними, нарушать их и совершать то, что в обычном смысле называется преступлением. Таким образом, это «право на преступление» является особенной привилегией избранников, людей «необыкновенных»; громадная же масса такого права не имеет, напротив, она обязана повиноваться тому, что признано добром и законом и что установлено для них избранниками, «властелинами», по отношению к которым эта масса представляет собой лишь «материал», имеющий назначение выделять из своей среды людей «необыкновенных», способных сказать «новое слово».

Когда Раскольников излагает свою теорию следователю Порфирию Петровичу, тот сейчас же обращает его внимание на трудность провести определенную границу между людьми «обыкновенными» и, следовательно, подчиненными обычной «морали», — и людьми «необыкновенными», высшими и, следовательно, имеющими право «переступить». Первоначально Раскольников, по-видимому, имеет намерение оправдать признаваемую им привилегию гениев тем соображением, что они своей деятельностью приносят человечеству неизмеримо великую пользу, ради которой и могут разрешать себе то, что является запретным для массы. Он говорит:

«По-моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия вследствие каких-либо комбинаций никоим образом не могли бы стать известными людям иначе как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию или ставших бы на пути как препятствие, то Ньютон имел бы право, и даже был бы обязан... *устранить* эти десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству. Далее, помнится мне, я развиваю в моей статье, что все... ну, например, хоть законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь. Замечательно даже, что большая часть этих благодетелей и установителей человечества были особенно страшные кровопроливцы».

Однако из дальнейшего видно, что все эти соображения о пользе и благодеяниях человечеству не играли в его теории особенно значительной роли и что вовсе не ими обуславливалось различие между «обыкновенными» и «необыкновенными», поэтому впоследствии Раскольников как бы совсем забывает Кеплеров и Солонов, и их заменяет в его мыслях Наполеон в качестве великого человека, «властелина», которому все позволено:

«...Кто крепок и силен умом и духом, тот над ними (над массой) и властелин! Кто много посмеет, тот у них и прав... Власть дается только тому, кто посмеет наклониться и взять ее. Тут только одно: стоит только посметь!»

И вот в душе Раскольникова, измученной нуждою и неудачами, оскорбленной в своей гордости и самолюбии, возникает тяжелый, трагический вопрос: кто он сам? К какому разряду людей он принадлежит? — к тем ли, которые должны только повиноваться, или к тем, которые могут и «переступить»? Чтобы решить окончательно этот

мучительный для него вопрос, Раскольников и останавливается на мысли испытать свои силы путем преступления:

«И не деньги, главное, нужны мне были, Соня, когда я убил, не столько деньги нужны были, как другое... Я это всё теперь знаю... Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорее узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить, или не смогу? Осмелюсь ли нагнуться и взять, или нет? Тварь ли дрожащая или *право* имею...»

Но принять решение стоило ему тяжелых мучений и колебаний. Даже тогда, когда «весь анализ, в смысле нравственного разрешения вопроса был уже им покончен: казуистика его выточилась, как бритва, и сам в себе он уже не находил сознательных возражений», — даже тогда здоровый внутренний инстинкт предостерегал его от этого рокового шага. Когда Раскольников за день до убийства снова посещает ростовщицу, чтобы сделать последнюю «пробу», им овладевает такое отвращение при мысли об убийстве, что он отрекается «от этой проклятой мечты», которую он сам называет «наваждением». Но затем целый ряд мучительных впечатлений, действующих на него угнетающим и раздражающим образом (встреча с Мармеладовым, письмо матери, из которого он узнает, что сестра его решается пожертвовать собою, чтобы обеспечить ему некоторую поддержку), а также странное совпадение разных случайных обстоятельств, представляющееся ему каким-то предопределением, — все это действует на его болезненно раздраженную душу и побуждает к исполнению давно обдуманного плана. Раскольников уже не в силах сопротивляться овладевшему им «наваждению» и пассивно подчиняется ему; он чувствует, что воля его словно парализована, чувствует, «как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественною силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать». А самое убийство он совершает в состоянии какого-то иступления, когда «ум его как бы померкал мгновениями, а тела своего он почти и не чувствовал на себе».

По В. Саводнику

На мысль об убийстве и о возможности оправдать в известных случаях убийство Раскольников наткнулся нечаянно, вследствие услышанного в пивной разговора, и в его голове возникло своеобразное обоснование этой идеи, созданной в нем исключительно тяжелыми обстоятельствами его жизни.

Мысль Раскольникова уже и раньше останавливалась над вопросом об относительности в жизни понятий добра и зла. В среде человечества Раскольников отделял небольшую группу людей, стоявших как бы над вопросами о добре и зле, над этическими оценками поступков и деяний, людей, которым, в силу их гениальности, их высокой полезности для человечества, ничто не может служить препятствием, которым все позволено. Остальные же, не выходящие из круга посредственности, масса, толпа, должны подчиняться существующим общим нормам и законам и служить средством высоких целей избранных людей. Правила морали для последних не существуют, они их могут преступать, ибо их цели оправдывают их средства.

«По-моему, — говорит Раскольников, — если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия, вследствие каких-либо комбинаций, никоим образом не могли бы стать известными людям иначе, как с жертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию, или ставших бы на пути, как препятствие, то Ньютон имел бы право и даже был бы обязан устранить эти десять или даже сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству. Все законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и уж, конечно, не останавливались перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь. Замечательно

даже, что большая часть этих благодетелей и установителей человечества были особенно страшные кровопроливцы».

Так обосновывает Раскольников право исключительной личности на преступления во имя не животных и эгоистических, а общих и высоких целей. Раскольников понимает, что такому образу действий должна соответствовать и особая психическая структура личности человека, готового «преступить» мораль. Он должен быть для этого обладателем сильной воли, железной выдержки и в нем над чувствами страха, отчаяния, робости, должно властвовать одно лишь сознание поставленных интеллектуальных целей. Впадшему в отчаяние и тоску, Раскольникову необходимо себе самому доказать, что он не «тварь дрожащая», что он смеет, может, что ему суждено пройти все свои предначертания.

«Власть дается только тому, кто посмеет наклониться и взять ее. Тут только одно: стоит только посметь!»

Таким образом, задуманное убийство влечет Раскольникова не возможностью обогащения, а как победа над самим собой, как подтверждение его сил, как доказательство того, что он не «материал» для постройки, а сам строитель. Задумывая преступление, Раскольников весь уходит в теоретику, в философские размышления, и его гораздо больше интересуют выводы логические, чем результаты поступка. Он остается теоретиком, мыслителем даже тогда, когда выполняет все задуманное. И, несмотря на то, что, как казалось, он все заранее предвидел и предусмотрел, но самого главного он не мог предвидеть именно потому, что он человек мысли, а не действия.

Нужда и связанные с нею унижения и обиды для самолюбивого юноши послужили одним из первых толчков к принятию решения. Закладывая свои вещи у ростовщицы, Раскольников испытывал отвращение и злобу, вызываемые в нем видом и всей обстановкой зловещей старухи. И когда однажды ему удалось нечаянно подслушать в пивной беседу двух студентов об убийстве, то доводы одного из них были как бы отголоском бессознательного убеждения самого Раскольникова.

«С одной стороны, — говорил студент, — глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, большая старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет... С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром, без поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата... — и всё это на ее деньги. Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно крошечное преступленице тысячами добрых дел? За одну жизнь — тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен, — да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна».

Хотя защищавший так горячо эту точку зрения студент и сознался, что сам бы не мог подтвердить ее действием и на убийство бы не пошел, но в голову Раскольникова запала эта мысль, и он много о ней думал. Он останавливался и на практических последствиях преступления: деньги старухи дали бы ему возможность окончить университет, помочь матери и сестре, начать полезную для общества деятельность. Но потом его всецело захватывает собственная теория о гении и толпе, о людях силы и воли, о строителях — сильных одиночках — и толпе как материале для построек. Раскольникову становится необходимым во что бы то ни стало доказать себе, что у него хватит сил и решимости оправдать на деле свою смелую теорию. Совершенно разбитый лихорадочной и упорной работой мысли, истощенный голодом, он делается жертвой своей навязчивой идеи и, как загипнотизированный, уже не имеет сил оторваться от намеченного пути.

Вначале он боролся сам с собой, в нем что-то протестовало против его решения, мысль об убийстве наполняла тоской и отвращением. Но потом он как-то механически подчинился своей идее, уже не владея собой, а словно исполняя чужую волю.

«Как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественной силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать».

Случайные внешние обстоятельства побуждают его привести в исполнение задуманный план. Предусмотрев некоторые мелочи, Раскольников думал, что обнаружил полную подготовку к новой жизни по своей «новой морали». Но развернувшиеся вслед за свершением убийства обстоятельства показали теоретику, что в непосредственной жизни и ее событиях есть своя особая логика, разбивающая в прах все доводы и рассуждения отвлеченной теории. На собственном страшном опыте Раскольников убедился в сделанных им ошибках.

По Н. Кадмину

В чем же состояла теория Раскольникова? Люди, по его мнению, разделяются на два разряда. Люди первого разряда живут главным образом для того, чтобы служить «материалом» для людей необыкновенных, они ограничены и консервативны. Другой разряд составляют люди, преступающие закон, не желающие идти по принятым, избитым дорогам; они создают новое и двигают вперед человечество. Обыкновенно второй разряд господствует над первым, так как люди глупы и власть среди них принадлежит тому, кто ее просто посмеет взять.

До этой теории Раскольников дошел, лежа в своей убогой комнате в темные зимние вечера и думая. О том, что эти вопросы занимали его, свидетельствует и его статья о преступлениях, в которой он говорит, что необыкновенный человек имеет право разрешить своей совести перешагнуть через любые препятствия.

Итак, люди делятся на два разряда. В уме Раскольникова возникает вопрос: к какому разряду принадлежит он? хватает ли у него смелости и силы, сможет ли он переступить? И он производит опыт. В качестве цели, с которой он собирается совершить преступление, он выставляет желание помочь материальному положению, как своему, так и сестры и матери. Это, однако, была цель побочная, случайная; главное — ему требовалось приложить к делу свою теорию. Он не воспользовался ничем из того, что взял у старухи.

«И не деньги, главное, нужны мне были... — говорит он Соне, — не столько деньги нужны были, как другое. Я это всё теперь знаю... Мне надо было узнать... вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить, или не смогу? Осмелюсь ли нагнуться и взять, или нет? Тварь ли дрожащая, или *право* имею...»

По Н. Дюнькину, А.Новикову

За несколько месяцев до преступления, Раскольников из-за крайней нужды оставил университет. На вынужденном досуге он написал статью, в которой изложил давно занимавшую его мысль о природе преступления, но газета, куда он послал статью, закрылась, и, не зная, что статья напечатана в другом издании, что за нее можно получить деньги, Раскольников, уже две недели не обедая, живет впроголодь в своей конурке, похожей на гроб, с низким, «теснившим душу» потолком. Его мучит, по словам Свидригайлова, «раздражение от голода и тесной квартиры». Избегая всех знакомых, «гордо и надменно» скрывая от них свою нищету, Раскольников в своем уединении с болезненным постоянством передумывает засевающую ему в голову мысль, и она под влиянием внешних впечатлений постепенно принимает конкретную форму, овладевает всем его существом. Мысль эта своими корнями уходит в почву общественного неравенства. Отрешившись от крепостнического обоснования, которое веками выдвигалось в защиту

неравенства, Раскольников думает, что «по закону природы» существуют два разряда людей: одни «живут в послушании и любят быть послушными», и «обязаны быть послушными, потому что это их назначение», а другие «все преступают закон, разрушители», и если им нужно «для своей идеи», могут даже «дать себе разрешение перешагнуть через кровь». Ликурги, Солоны, Магометы, Наполеоны пользовались этим правом. И Кеплеры с Ньютонами имели бы право «устранить» десять или сто человек, если бы эти десять или сто мешали остальному человечеству воспользоваться их научными открытиями. Гибель одного, десяти, ста человек — и благополучие остального человечества... да тут простая арифметика подтверждает право «преступить». Это, по выражению следователя Порфирия Петровича, «книжные мечты, теоретически раздраженное сердце». Но к этому присоединяются и иные влияния, влияния эпохи, «когда помутилось сердце человеческое, когда цитируется фраза, что «кровь освежает».

В мрачных тайниках наследственной крепостнической жестокости и «закоренелого безделья» у Раскольникова копошится и дразнит его просто желание «попробовать», к какому разряду людей он сам принадлежит, «вошь» он или «право имеет» преступать. Но и теоретически-холодные размышления о ньютоновском праве «преступить», и жгучее любопытство испытать свои собственные «права» застилаются в сознании Раскольникова более реальными и глубоко проникающими ему в душу впечатлениями. Мармеладов «пьяненький» на деньги, вырученные таким страшным путем; Соня и за ней ее следующая сестра с перспективой развратной жизни, отвратительных болезней и смерти на улице, а там, в «далекой и зверской» провинции сестра Дуня, готовая продать себя Лужину.

«Понимаете ли вы, — мысленно говорит своей матери Раскольников, — что лужинская чистота всё равно, что и Сонечкина чистота, а может быть, даже и хуже, гаже, подлее... Не хочу я вашей жертвы, Дунечка, не хочу, мамаша! Не бывать тому, пока я жив, не бывать, не бывать!.. Не бывать? А что же ты сделаешь, чтоб этому не бывать?.. А ты что теперь делаешь? Обираешь их же... От Свидригайловых-то чем ты их убережешь, миллионер будущий?..»

В воспаленном мозгу Раскольникова какой-то навязчивой идеей стоит сравнение сестры и Сони Мармеладовой. Обе не уйдут от злой ямы.

«Такой процент, говорят, должен уходить каждый год... куда-то... к черту, должно быть, чтоб остальных освежать и им не мешать».

Именно потому, что у самого Раскольникова под поверхностью чистой теории таилась и еще какая то старая нечисть, он боится всякого даже внешнего соприкосновения с пороком. «Ко всему подлец человек привыкает». Нет, нужно или отказаться от жизни, задушить в себе все, отказаться от всякого права действовать, жить и любить, или... или «надо решиться».

Решиться на то, чтобы преступить преграды, стать «миллионером» и, сделав одно зло, потом устроить сотню человеческих благополучий. Самому Раскольникову деньги не нужны. Порфирий Петрович едва ли кстати заговорил о любви к комфорту, имея его в виду; Раскольников способен был последнюю мелочь отдать другому, не подумав о себе. Но все-таки и для помощи другим нужны деньги.

Так однажды мысль Раскольникова останавливается на существовании старушонки ростовщицы, и постепенно около этого существования сосредоточивается конкретное воплощение всей его теории. Мысль была необыкновенно проста, и к удивлению Раскольникова, она приходила в голову и другим. Как будто внушение гипнотизера, как голос «предопределения», стучали в его сознании слова из услышанного им случайно разговора:

«Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно крошечное преступленье тысячами добрых дел? За одну жизнь — тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика! Да и что значит на

общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна. Она чужую жизнь заедает...»

И этот разговор, и некоторые другие случайные совпадения обстоятельств толкают Раскольникова на убийство старухи процентщицы.

По В. Максимова, С. Золотареву

Родион Раскольников пришел к своей «теории» в силу сложнейших взаимоотношений классовой борьбы; несомненно серьезную роль сыграла принадлежность его к привилегированному сословию. Детство и юность Родя Раскольников провел в небольшой барской усадьбе, где портреты самодовольно-гордых, застывших в своем величии предков имели на Родю большое влияние, постоянно говорили ему об особом назначении человека. Когда же Родион Романович студентом попадает в бюрократическо-буржуазный Петербург и на каждом шагу встречает болезненно-нервных, разобщенных, угнетенных и оскорбленных интеллигентов, когда он сталкивается с необходимостью неустанного кропотливого труда с ничтожной оплатой, тогда Раскольников «озлился» и начал искать выход.

Гнетущая и унижительная бедность, болезненное самолюбие, доставшееся по наследству от родителей-дворян, жажда власти и мучительства, мнительность и острое чувство бессилия создали Раскольникова, с высоким развитием, успевшего обратить на себя внимание оригинальной статьей, где он развивает идеи о природе человека.

Совершенно прав Писарев, когда говорит, что преступление совершает Раскольников не потому, что он путем различных философствований убедил себя в законности преступления, а напротив — он стал философствовать в этом направлении и убедил себя только потому, что обстоятельства (нужда, голод) натолкнули его на преступление.

Целый ряд событий подготавливает Раскольникова к выполнению задуманного плана убить старуху, в особенности подслушанный им в трактире разговор, оформивший его теорию. Теория Раскольникова указывала на укоренившиеся социальные противоречия в жизни, на совершенно неясное право одних распоряжаться судьбою других. Зло подмечено правильно, но Раскольников не знает причин его возникновения, а значит и не может найти средств его уничтожения. У него является мысль «дерзнуть»; если удастся, он «Наполеон», если же нет, значит «вошь» — своеобразная теория фатализма. Раскольников не хочет «дожидаться общего счастья». «Я сам хочу жить! — говорит он, — а то лучше не жить».

Корни теории сидят глубоко: Раскольников — выходец из разваливающегося «дворянского гнезда» с определенными традициями — в буржуазном обществе, особенно в начале развития капитализма, не может, конечно, заниматься «черной» работой накопления копеек, а хочет сразу «весь капитал».

Основная ошибка Раскольникова в том, что он совершенно не интересуется материальной природой общественных отношений. Если бы Раскольников понимал, что людей разделяют на категории экономические отношения, которые создали борьбу классов, тогда он не стал бы стремиться быть Наполеоном и убить «вошь»-процентщицу, а пришел бы к необходимости вести борьбу со всей системой, создающей процентщиц, бедных, умирающих студентов, «маленьких людишек», «Наполеонов» и т.д.

Раскольников — индивидуалист, он не считается с интересами коллектива, не становится на сторону ни одной из борющихся социальных групп, а как отдельная личность берется решать, где наибольшее право большего числа людей, и где более ценная личность.

Раскольников — жертва своей оторванности от общественного движения и своего безвыходного положения бедняка в рамках капиталистического строя. Трагедия Раскольникова типична для деклассированных интеллигентов.

По Я. Назаренко